

Д'Артаньян поколения «Битлз»

Михаил Боярский был главным романтиком неромантической эпохи

К пятидесяти годам, которые Боярский отмечает 26 декабря, он честно отыграл эту роль. Почти в одиночку. Он был вечным Трубадуром и Мушкетером — и тем, как говорится, любезен народу. Юрий Никулин так объяснил феномен всенародной любви к своему киногерою: «Такой, с придурью, — наш человек». Боярский тоже, безусловно, наш, но не «с придурью», а с романтическим ореолом. Что, впрочем, в каком-то смысле — русская «придурь», тоска по чуду, ностальгия по возвышенному. Где бы это чувство ни возникло — оно служит гарантом нашей стабильности: при всех путчах и катаклизмах, как главная река — Волга, певица — Пугачева, валюта — рубль...

— Ваша карьера начиналась в театре имени Ленсовета. Много лет назад вы оставили его, пустились в свободное плавание. Прошлой зимой я наблюдала, как вы стояли в кулисах на гражданской панихиде Игоря Петровича Владимировича... И думала: сколько ролей вы на этой сцене не сыграли! Никогда не жалею о несбывшейся театральной судьбе?

— Мне кажется, что государственный театр не дает возможности артисту сыграть то, что он хочет. Игорю Петровичу я благодарен по гроб жизни за все, что он для меня сделал, что давал мне роли, которые я, может быть, не заслуживал... Что же касается других режиссеров... Мне предлагали разные роли, да хоть Гамлета! Но я же понимаю, что спектакль — это не одна моя роль, а команда. Я, может быть, с удовольствием сыграл бы и не Гамлета даже, а, скажем, Могилищика. У Марка Захарова. Или у Никиты Михалкова. В том случае, если настоящий режиссер ставит спектакль.

— Замечательный режиссер, ученик Товстоногова, Геннадий Тропосицкий предлагал вам сыграть молчаливого Дон-Жуана. Отчего вы отказались?

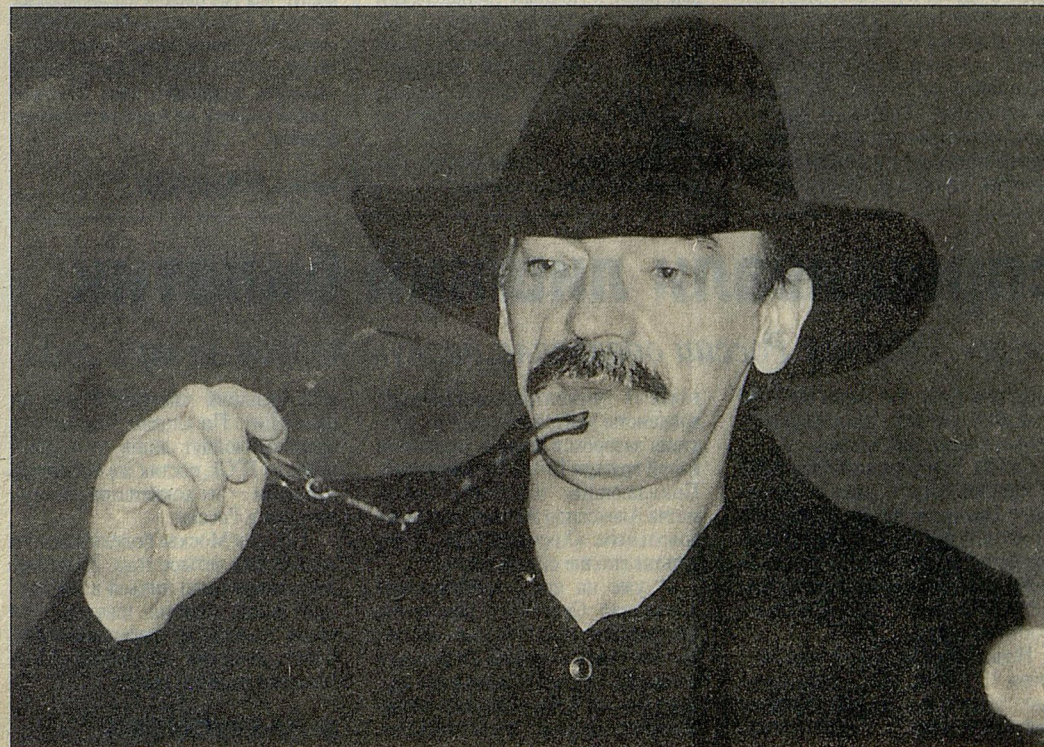
— Объясню. Как артист я же имею право узнать, про что собирается ставить спектакль режиссер. Вразумительного ответа я от него не услышал, а экспериментировать на себе — как это делают на животных — нет, это мне неинтересно. Я видел такие опыты в последние годы в театре Ленсовета, когда выпускался спектакль, шел на зрителя два-три раза и его снимали, поскольку желание режиссера самовыразиться было к премьере удовлетворено.

— Весьма неромантическая эпоха 70-х то и дело наряджала вас в романтические костюмы: Трубадура, Овода, д'Артаньяна. Они не были вам тесны?

— Олег Стриженов — вот кого я считаю высшим романтиком и советской, и российской, и какой угодно эпохи. Но я никогда не хотел быть похожим на него. Кстати, хотя в театре Ленсовета я был лирическим героем, Алиса Бруновна Фрейндлих, по-моему, точнее всех определила мое истинное амбула: характерный артист с коме-

дийным уклоном. Но в этом амбула меня мало использовали, да и я не особенно рвался к этому. В романтическом герое меня устраивало, что он всегда один против всех. Нет, романтический костюм мне никогда не жал. Правда, я почти не играл любовь. Мужская честь, дружба — да, но не любовь. Высоцкий все, что не мог воплотить в ролях, вкладывал в стихи, в музыку. Я, к сожалению, лишен такого таланта.

— В средневековые актеров хоронили за чертой кладбища. Считаете, что они воруют чужие души.

Сергей ХВОРОСТОВ

лось, что они воруют чужие души.

— Конечно, актерское дело — бесовское. Но актеры и благородные люди: первые актеры, игравшие Христа, по-настоящему были распяты. Ради высокой идеи они погибали — ради такого мира. Сегодняшние же актеры определенно приносят меньше вреда, чем лицедеи другого рода. Искусством сегодня занимаются «счастливые нищие». И это их оправдывает. Театр — прибежище открыто играющих души. Я имею в виду, конечно, не концерны по производству театральных шоу.

— Актер творит «из себя». Не накопилась ли у вас с годами «усталость материала»: изношенность красок, звуков, нервов?

— Мне радостно обращаться к каждой новой работе и не менее радостно играть в сотый раз старый спектакль. Потому что интересно использовать тот опыт, который есть. Ты как бы забираешься на гору, с которой очень многое видно. И еще мне важно точно попасть в мишень. Причем не в ту, куда все целится, а, скорее, в невидимую, известную только мне.

— Есть ли у вас кумиры?

— Конечно есть. Высоцкий, Луспекаев, Табаков, Раневская, Неелова. Алиса Фрейндлих. У нас много замечательных актеров. И у каждого есть такие высоты, на ко-

торые мне никогда не забраться.

— Какие «высоты» вы сегодня больше всего цените?

— Легкость, удовольствие и покой. Если ты выжимаешь на сцене штангу и с тебя сходит сто потов — радости от такой игры никому нет. Все трудности надо оставлять за кулисами. Кто-то из пианистов говорил: трудное надо превращать в привычное, привычное — в легкое, легкое — в очаровательное. Если играешь с удовольствием — это чувство, бесспорно, передается и зрителю. Что же ка-

годам проступили ли в вас его черты?

— Я превращаюсь в своего отца не по дням, а по часам. За исключением дарования. То, что дал ему Бог, он сумел полностью воплотить. Может быть, оттого, что другое время было, — он играл только в театре. Он умер в 1976 году и предположить не мог, как все изменится в жизни.

— От чего бы вам хотелось убежать своим детям?

— Конечно, главное, чтобы они были живы-здоровы: все остальное

сается покоя, то здесь я вспоминаю великого мхатовского артиста Михаила Яншина. В том, как он существовал на сцене, был великий художественный покой. Взгляда невозможно было от него оторвать! Этот покой связан с актерской правдой. Стоит один раз в чем-то солгать, начинаешь волноваться, форсировать движения, жесты. Поэтому хорошо играть усталым: нет сил на суету, делаешь на сцене только самое важное...

— Вы ведете счет своим ошибкам, неудачам?

— Когда я смотрю те фильмы, которые делались двадцать пять лет назад, например, «Старший сын» по Вампилову, думаю: какой ужас — это неправильно, но неправильно! Но потом понимаешь, что ошибки — это и есть самое дорогое. Опыт очень многое дает, но и многое отнимает: непредсказуемые, нечаянные детали, в которых бывает заключена правда. Если бы я мог позволить себе такую роскошь, начиная с восемнадцати лет, каждый год снимать на камеру монолог, ну, скажем, Гамлета, то каждый год это были бы совершенно разные работы. И, может быть, лучшими были бы самые первые.

— Важнейшим человеком в жизни был для вас отец. К пятидесяти

приложится. Но еще я стараюсь внушить им, чтобы жили по правде. Это как на сцене, один раз согласишься, «плюсанешь» — и пошло-поехало, можно себя не собрать. Вот мне дочка принесла школьное сочинение. О том, как она провела лето за чтением книг. Я говорю ей: «Зачем ты лжешь? Зачем писать, что ты увлекаешься западной литературой? Когда это ты ею увлекалась?» Она переписала в том духе: «Когда я перечитывала «Ромео и Джульетту»... Я ей опять: «Зачем пишешь вранье? Ты никогда не перечитывала «Ромео и Джульетту»! Пиши честно: когда я впервые прочла «Ромео и Джульетту», на меня это произвело впечатление... И опиши это впечатление! Может, ты только половину прочла, но интересно же, что ты там увидела!»

— Хотели бы вы что-нибудь изменить в себе?

— Я сам с собой не в ладу, и мне бы хотелось иметь характер спокойный, непридиричивый к себе и людям. Убрать бы из себя самолюбие. Помириться с самим собой. Я бы тогда был счастлив. Стать бы поуверенней в себе, иметь бы толще кожу. Слишком много мусора в голове. И все помнишь: какие-то бумажки, записи, монологи, концерты, обрывки фраз.

— Что вы особенно цените в людях?

— Юмор. А в мужчинах — умение быть вожаком стаи.

— У вас есть любимая песня?

— Песня Высоцкого из кинофильма «Айвенго»: «Значит, нужные книги ты в детстве читал...»

— А жизненный девиз?

— Все или ничего.

— Известно, что беда России — дураки и дороги. Как на ваш взгляд: это преодолимо или безнадежно?

— Лично мне не мешает ни то ни другое... Царствие Божье — внутри нас, а не снаружи. Поэтому у нас один выход — чаще обращаться к душе, чтобы понять и ответить себе на главные вопросы. Кто мы? Зачем мы? Зачем живем на белом свете? Я мучительно пытаюсь это осознать и нигде, кроме веры, ответа не нахожу. Можно, конечно, все счастливо устроить, экономику, законы, а потом лежать, как морские котики, и тупо смотреть вокруг. Вот идеал тех, кто думает, что все дело в благополучии. На самом деле цивилизация больше разрушает человека, чем устраивает.

— Вы застали еще поколение старых петербуржцев-ленинградцев, прежний дух города. Что ушло, о чем вы сожалели?

— Людская контактность. После войны народ был нищий, но он так умел радоваться жизни! Все эти несчастные «КВНы» с линзами, перелицованные пальто! Двери не закрывались, можно было всегда зайти к соседям, поужинать, поговорить... Сегодня жизнь приобрела какое-то волкообразное существование. Я вырос на Гончарной улице. Это сейчас криминальная зона, возле Московского вокзала. Да, тогда тоже мальчишки дрались до первой крови. Никто никого не убивал. Люди после войны были такими счастливыми, и это послевоенное было таким долгим!.. Сейчас съезжают на Канары — и такая вялость! А счастье — это не завоевывание пространства. Дом, семья и отсутствие войны.

— Что вас ведет туда, где черт ногу сломит? Я имею в виду Госдуму.

— Ну, во-первых, я очень надеюсь, что не пройду. Если пройду — нас сразу разгонят. Так что есть варианты. Но если серьезно, то я хочу опереться на авторитет Дмитрия Сергеевича Лихачева, который считал, что невозможно сейчас в России быть вне политики. Опять же можно вспомнить песню Высоцкого: «Значит, ты был ни при чем...» Я хочу быть «при чем». Там же были и Басилашвили, и Говорухин. Юрий Владимирович Никулин взял у государства деньги и построил цирк. Сделал хорошие пенсии артистам. Не побоялся взять на себя ответственность на отдельно взятой территории... Как пел Высоцкий: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». Как вы могли заметить, я люблю Высоцкого и очень хотел бы на него походить.

— Чувствуете ли вы себя человеком определенного поколения?

— Я себя чувствую человеком поколения «Битлз».

Беседовала
Ольга СКОРОЧКИНА